

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

ПРИВАВЛЕНІЯ

КЪ ВОРОНЕЖСКИМЪ

ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВЪДОМОСТЯМЪ.

Августа 15-го № 16. 1868 года.

— *Содержаніе.* — Слово въ день открытія мощей Святителя Митрофана. — Рѣчь новобрачнымъ. — Взгляды св. отцовъ Церкви на отношеніе языческой философіи къ христіанскому откровенію. (Оконч.) — Псаломъ XXXI. — Извѣстіе. — Объявленія.

С Л О В О

Въ день памяти открытія мощей Святителя и Чудотворца Митрофана.

Величаемъ ты Святителю Отче нашъ Митрофане и чтемъ святую память твою..... (Велич. Свят.) Все въ видимомъ мірѣ переходитъ съ образомъ міра, и всякая слава человѣческая исчезаетъ подобно звуку, теряющемуся въ воздухъ. Одни только праведники, украсившіе себя во временной жизни христіанскими добродѣтелями, живутъ и вѣчно будутъ жить въ памяти отдаленнѣйшихъ потомковъ: *въ память вѣчную будетъ праведникъ,* (Псал. III. 6.) по слову Богодуховнаго Псалмопѣвца, въ далекомъ будущемъ провидѣвшаго величіе праведниковъ. Ихъ слава на землѣ вѣчна, ихъ блаженство не скончаемо въ отечествѣ небесномъ. Православные Христіане стекающіеся со всѣхъ концовъ обширнаго нашего отечества къ мѣстамъ покоища праведниковъ, благоговѣнно чтуть, прославляютъ и не престанутъ чтить ихъ до толъ, пока неоскудѣтъ на землѣ

живая вѣра въ воинствующей Христовой Церкви. По силѣ этой вѣры и мы, сл: Бл! нынѣ съ Церковію *писанными* и *пѣнными* духовными величаемъ Святителя Отца нашего Митрофана и чтемъ святую память его. Этотъ сонмъ вѣрныхъ сыновъ и дочерей, собравшихся здѣсь—во св. Храмъ семъ не показываетъ ли, что сердце каждаго изъ насъ приноситъ ублажаемому нынѣ Святителю дань, достойную его величія? Подгрѣшимъ же чувствованія нашего сердца размышленіемъ: въ чемъ состоитъ величіе праведника—величіе истинное?

Праведникъ превыше всѣхъ превратностей міра: онъ независимъ отъ обстоятельствъ; для него не нужно благоприятное стеченіе оныхъ. Поставленъ ли онъ въ обществѣ на высокой степени служенія? Это служить только къ большому раскрытію его духовныхъ совершенствъ; Онъ тогда свѣтитъ подобно свѣтильнику, стоящему на верху горы; тогда жизнь его бываетъ назидательнѣе, примѣръ его сильнѣе дѣйствуетъ на другихъ, *тогда просвѣщается свѣтъ его предъ челоуки, да видятъ добрая дѣла его и прославятъ Отца небеснаго* (Мат. 5. 16.). Осыпанъ ли дарами счастья? Тогда онъ не привязывается къ нимъ, подобно міролюбцамъ, страшась поставить себя въ рабскую зависимость отъ благъ тѣльныхъ—скоропроходящихъ. Одаренъ ли высокимъ умомъ, и обогащенъ всесторонними свѣдѣніями? Всѣ онъ направлены къ лучшему исполненію высокихъ Христіанскихъ обязанностей и ко благу ближнихъ. Въ какомъ бы состояніи праведникъ ни былъ, всегда великъ. Спокойствіе его духа, среди самыхъ неблагоприятныхъ условій жизни ненарушается; потому что оно всегда ограждается живою вѣрою, твердымъ упованіемъ, и пламенною любовію ко Христу Спасителю, въ которомъ сосредоточены всѣ его мысли и желанія. Праведникъ ничего не страшится: ибо увѣренъ, что въ мірѣ вещественномъ, ничего существеннаго не потеряетъ; имѣя все въ себѣ, онъ вездѣ и всегда великъ—самому себѣ равенъ.

Самыя несчастія, которыя великихъ міра дѣлаютъ малодушными, праведнику открываютъ блистательное поприще для подвиговъ. На этомъ поприщѣ, по сказанію св. Исторіи, мы встрѣчаемъ: терпѣливаго въ несчастіяхъ Іова, твердаго противъ соблазнительныхъ искушеній Іоси-

фа, великодушнаго среди гоненій Давида и всѣхъ ново-завѣтныхъ мучениковъ и Исповѣдниковъ Вѣры Христовой.—И здѣсь то особенно открывается, что праведники любятъ Бога не тогда только, когда Онъ *ограждаетъ ихъ внѣшняя и внутренняя дома ихъ и благословляетъ дѣла рукъ ихъ*; Они съ одинакою любовью къ Богу лобызаютъ Его десницу какъ благодѣющую, такъ и карающую. Они въ бѣдствіяхъ своихъ успокоиваются на волѣ Божіей; ропоты стойственные душамъ слабымъ имъ чужды; кажется, что скорѣе несчастія т. сказ. утомятся въ своихъ усиліяхъ, нежели, чтобъ праведники упали подъ ихъ ударами: они съ глубокимъ смиреніемъ переносятъ все, и самое терпѣніе еще болѣе возвышаетъ ихъ.

Если несчастія пробуждаютъ великихъ міра отъ глубокаго забвенія о своихъ слабостяхъ и недостаткахъ, то, это особенно обнаруживается при приближеніи смерти, которая начиная смежать вѣжди, открываетъ имъ очи душевныя. При дверяхъ гроба они съ ужасомъ обращаютъ взоры свои на прошедшее; въ первый разъ они видятъ себя такими, какими были на самомъ дѣлѣ, а не такими, какими хотѣли казаться предъ другими и даже предъ собою. На смертномъ одрѣ никто не имѣетъ нужды въ напоминаніи, что онъ человекъ; здѣсь великіе міра, привыкше къ незаслуженнымъ похваламъ отъ своихъ льстецовъ, слышатъ безпристрастный голосъ совѣсти, вполне сознаютъ все ничтожество мірскаго величія. Напротивъ, праведникъ, коего вся жизнь протекла въ глубокомъ смиреніи и самоуничженіи, при смерти только начинаетъ аснѣ видѣть свое достоинство, и окружающимъ одрѣ его представляется въ полномъ величіи праведника: во всѣхъ членахъ его господствуетъ не нарушимое спокойствіе среди болѣзненныхъ чувствованій отъ расторженія узъ тѣлесныхъ; въ чертахъ его лица отвѣчивается сладостное удовольствіе при воспоминаніи о проведенной имъ жизни, и въ померкающихъ взорахъ его еще блеститъ, подобно лучамъ заходящаго солнца тихая радость о вожделѣнномъ переходѣ изъ временной жизни въ блаженную вѣчность.

Пусть великіе міра тщеславятся своими наружными отличіями, пусть превозносятся похвалами отъ своихъ временныхъ почитателей: смерть незамедлитъ уравниатъ ихъ со всѣми людьми лишивъ зазнаго блеска. Въ мірѣ виѣш-

нее величіе можетъ быть безъ величія внутренняго: но при этомъ нельзя не замѣтить, что внѣшне великіе—жалки еще и вовременной своей жизни; они подобны слабому воину, облеченному въ тяжелую броню; въ каждую минуту они боятся упасть подъ бременемъ обязанностей, превышающихъ ихъ силы. Напротивъ, величіе праведниковъ болѣе и чаще всего сосредоточивается въ ихъ духѣ, нежели сколько обнаруживается во внѣшности. Если Богъ облакаетъ праведниковъ величіемъ внѣшнимъ, то это величіе состоитъ не въ почестяхъ и славѣ; но въ томъ значеніи какое праведники имѣютъ по отношенію къ міру.

Доколѣ человекъ охранялъ свою праведность, дотолѣ вся природа безпрекословно покарялась его власти; съ потерю же невинности она стала въ обратное къ нему отношеніе; и теперь онъ дѣлается достойнѣйшимъ сей власти только по мѣрѣ своей праведности; и *тварь*, преративъ свое ропотное *воздыханіе, за покореніе ея суеть* (Рим. 8. 20) опять вступаетъ въ первобытную ему подчиненность: тамъ влажная стихія уступаетъ свое мѣсто на пути праведника; здѣсь она образуетъ твердость земли подъ его стопами. Тамъ огонь поядаетъ воду и камни; здѣсь эта все пожирающая стихія теряетъ свою силу, прикасаясь къ брэнному его тѣлу. Тамъ, среди сухой пустыни, камни источаютъ воду; здѣсь—вода изсыкаетъ въ самыхъ источникахъ. Тамъ здравые, едва успѣвъ окончить свою рѣчь, упадаютъ бездыханны; здѣсь обнаженные кости, приближаясь къ истлѣнію оживотворяются. И все это дѣлается по слову праведника. Какой повелитель полсвѣта имѣлъ когда либо столько могущества?

Но величіе праведниковъ неограничивается предѣлами ихъ земной жизни; они и по смерти сохраняютъ самыя ясныя признаки величія въ своихъ брэнныхъ останкахъ; тѣла ихъ, вопреки необходимости природы, съ паденіемъ человека утратившей свое тѣлесное безсмертіе, освобождаются отъ законовъ тлѣнія и источаютъ живодѣйственную силу чудотвореній.

Нашъ Богоспасаемый градъ, въ коемъ открыто покоятся нетлѣнные и цѣльбоносныя моци Святителя и Чудотворца Митрофана не требуетъ для сего особенныхъ доказательствъ: почти ежедневные опыты напоминаютъ

здѣсь о величїи праведниковъ и посмерти. Тѣла знаменитыхъ завоевателей, сокрытыя подъ развалинами разрушенныхъ ими городовъ, теперь, можетъ быть, попираются ногами и человѣческими и животныхъ; а останки праведниковъ, которые во временной жизни рѣдко пользуются громкою извѣстностію, благоговѣнно чтутся православными Христіанами. Великіе міра, уступивъ свое мѣсто другимъ, вмѣстѣ съ жизнію теряютъ своихъ почитателей; и только гордый памятникъ надъ прахомъ (последнее усиліе суетности человѣческой), едва едва можетъ сохранить имя ихъ въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, а гробы праведниковъ переживаютъ столѣтія и привлекаютъ къ себѣ благочестивыхъ поклонниковъ изъ отдаленныхъ странъ, и память ихъ на всегда пребываетъ съ похвалами! (Псал. III 6 на 2 кор. Бѣсѣд. 26 Стран. 530 531). Скажи мнѣ говорить св. Іоаннъ Златоустъ, гдѣ гробъ Александровъ? Укажи и скажи въ который день онъ умеръ? А гробы рабовъ Христовыхъ славны и находится въ Царственномъ градѣ, дни кончины ихъ извѣстны; ибо составляютъ торжество для цѣлой вселенной. Александра гроба не знаютъ и свои, а гробы рабовъ Распятаго знаютъ и варвары. Къ нимъ болѣе стекается людей, нежели въ царскіе чертоги. И самъ тотъ, Кто носитъ багряницу, приходитъ лобызать гробы сіи и стоять предъ ними, и молить святыхъ, чтобы предстательствовали за него предъ Богомъ.»

Не смотря на то, что праведники *рѣдко* занимаютъ въ обществахъ теловическихъ высокія степени служенія, они всегда служатъ главною подпорою сихъ обществъ. Праведники, или, по слову Писанія, *Слѣя свято* поддерживаютъ *стояніе міра*. Въ самомъ дѣлѣ, что было причиною гибели Содомскихъ городовъ, какъ не совершенное оскуднѣніе въ нихъ праведниковъ. Правосудіе Божіе готово было ради десяти праведниковъ пощадить цѣлыя тысячи нечестивыхъ. Кровь избѣенныхъ пророковъ отмщена на Іерусалимѣ такимъ разрушеніемъ, что не остался въ немъ камень на камени. Смерть величайшаго праведника Господа нашего Іисуса Христа сопровождалась самыми поразительными явленіями природы: на всю землю налегла непроницаемая тьма какъ бы для того, чтобы закрыть нечестіе людей, земля, отягченная величайшимъ злодѣяніемъ поколебалась въ своемъ основаніи, и самыя

камни распадались въ обличіе жестокости сердець чело-
вѣческихъ. Можно сказать, что всѣ общественныя бѣд-
ствія бывають слѣдствіями оскуднѣнія на землѣ праведни-
ковъ. Исторія народа Божія ясно показываетъ, что бѣд-
ствія постигали его большею частію всегда послѣ умно-
жавшагося нравственнаго растлѣнія. Всякое царство, вся-
кій градъ, всякое семейство, послѣ постигшихъ несчастій
и бѣдствій должны сознаться: *еще не бы Господь Саваоѡвъ
оставилъ намъ съмени, яко Содома убо были быхомъ, и
яко Гоморру уподобилися быхомъ.* (Ис. г. 1. 9).

Всѣ мы сл. Бл! по какому то непонятному чувству
стремимся къ величію: но не всякій изъ насъ избираеть
для этаго надлежащія средства. Одинъ употребляетъ всѣ
усилія къ достиженію высокихъ должностей и отличій,
чтобы казаться великимъ. Другой съ потерей собствен-
наго спокойствія хлопочеть о приобрѣтеніи богатства, утѣ-
шаясь, что оно придасть ему сколько нибудь величія.
Иной жертвуетъ самую жизнь, имѣя въ виду, что хотя
по смерти останется въ народѣ молва объ его величіи.
Заслужить имя великаго есть верхъ всѣхъ земныхъ чело-
вѣческихъ желаній.—Но тщетны всѣ таковыя стремленія!
Для истиннаго величія не нужно ни отличныхъ дарованій
ни знатнаго происхожденія, ни несмѣтнаго богатства, ни
высокихъ должностей и отличій; ни какое состояніе не
унижаетъ челоуѣка съ великою душою,—украшенною дра-
гоцѣнными добродѣтелями. Правитель народа тогда вели-
къ, когда повелѣвая волею другихъ, собственной воли
не подчиняеть власти своихъ страстей. Защитникъ оте-
чества тогда великъ, когда получая раны отъ непріате-
лей, сохраняетъ свою душу отъ язвъ грѣховныхъ. Дѣя-
тельный промышленникъ тогда великъ, когда, жертвуя
собственнымъ спокойствіемъ для продовольствія другихъ,
не полагаетъ своей совѣсти на вѣсы для умноженія сво-
его прибытка. Великъ богатый, если не преклоняеть ко-
лѣнь своихъ предъ золотымъ идоломъ; великъ и бѣдный,
если не воздыхаетъ о сладостяхъ нѣги и роскоши. Сло-
вомъ, всякій изъ насъ можетъ быть великимъ, если будетъ
праведнымъ: безъ добродѣтели нѣтъ величія.

И такъ сл. Бл! мы теперь знаемъ, что истинное ве-
личіе состоитъ въ праведной-добродѣтельной жизни; а по-
тому обратимся съ пламенно усердною молитвою къ убла-

жаемому нынѣ св. церковь Святителю Митрофану, да испроситъ Онъ святыми своими молитвами намъ у Господа нашего І. Христа, Сподобившиго его величія земнаго и небснаго преспѣваніе во всѣхъ Христіанскихъ добродѣтеляхъ; а такое преспѣваніе въ нихъ, безъ сомнѣнія содѣлаетъ и насъ истинно великими на землѣ и на небѣ.

5 августа
1867 г.

Г. Воронежа, Введенской Ц. Протоіерей Петръ *Ивановъ*.

РѢЧЬ НОВОБРАЧНЫМЪ.

Поздравляю Васъ, новая чета, съ принятіемъ благодати, скрѣпившей вашъ союзъ! Угадываю, что самое искреннее и задушевное желаніе ваше теперь есть желаніе, чтобы союзъ вашъ пребылъ счастливымъ и неразрывнымъ на всю вашу жизнь.. И вы знаете, что въ сердцѣ каждаго Господь положилъ такое чувство, которое, при содѣйствіи благодати, поддерживаешь и дѣлаетъ счастливымъ брачный союзъ: чувство это — любовь. Безъ любви нѣтъ и немыслимо никакое счастье, никакой миръ и единеніе ни въ государствѣ, ни въ обществахъ, ни въ семействахъ, ни въ супружествѣ, слѣдовательно. Это аксіома, извѣстная всѣмъ и каждому. Но есть два сорта любви. Есть любовь, которая на языкѣ христіанскомъ называется плотскою чувственною. Это то пресловутое, любимое развращеннымъ міромъ чувство любви, которое называется вѣчнымъ, неизмѣннымъ, и которое оцвѣтаетъ едва ли не скорѣе всякаго майскаго цвѣтка; это то чувство, которое возбуждается внѣшней красотой, поддерживается расчетами, напрашивается на всевозможныя пожерт-

вованія, и болѣе всего отзывается эгоизмомъ. Словомъ, это та любовь, которая существуетъ въ словѣ, а не на дѣлѣ, которая бываетъ въ чувствительныхъ романахъ и которая, наконецъ, создала бракъ гражданскій. Это одна любовь. Не эта, конечно, любовь нужна для сохраненія и счастья того союза, который называется таинствомъ; не этой любви хочу пожелать вамъ. Есть любовь несравненно чище, благороднѣе, возвышеннѣе, — есть такая любовь, которая *не ищетъ своихъ си, по слову Писанія, но вся терпитъ, вся переноситъ, всему вѣру емлетъ и николиже отпадаетъ*; словомъ, это та святая любовь, которую заповѣдалъ намъ Господь Спаситель, когда сказалъ: *заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга*. Вотъ та любовь, которая служить вѣрнымъ ручательствомъ истиннаго счастья супружеской жизни! При такой христіанской любви неопасны будутъ тѣ искушенія и трудности, которыя неизбѣжны на всѣхъ путяхъ человѣческой жизни. И при такой только любви, которая, по выраженію апостола всему вѣру емлетъ и николиже отпадаетъ, возможны тѣ искреннія, родственныя отношенія между супругами, которыя заставляютъ вѣрить другъ въ друга, какъ въ назамѣнимаго спутника и помощника во всѣхъ случайностяхъ жизни, — которыя неохлаждаются никакими обстоятельствами и остаются неизмѣнными на всю жизнь. Поэтому, первое мое желаніе вамъ есть желаніе той любви, которую заповѣдалъ намъ Спаситель. Пусть она будетъ краеугольнымъ камнемъ и постояннымъ руководителемъ всей вашей жизни! Да пребудетъ она съ вами во дни радости и счастья, да не оставитъ она васъ и во дни душевной невзгоды!

Господь же—Источникъ всякія милости и щедротъ да благословитъ вступленіе ваше въ новую жизнь, да управитъ ее въ мирѣ и счастья отнынѣ и на многія лѣта!

Св. Гайдарскан.

Свящ. В. Вишневскій.

Взгляды Св. Отцовъ и Учителей Церкви на вопросъ объ отношеніи языческой философіи къ христіанскому откровенію, и причины различія этихъ взглядовъ.

(Окончаніе).

Во всякомъ данномъ предметѣ должно отличать его сущность отъ явленій. По своей сущности всякій предметъ ни добръ, ни золь; но онъ становится такимъ или другимъ по своему развитію и приложенію. Самая, по видимому, высокая и благотворная идея, получивъ неправильное, уродливое развитіе, часто ведетъ къ самымъ дурнымъ послѣдствіямъ, и на оборотъ.... Осюда легко объясняются всѣ крайніе и радикально противурѣчущіе между собою взгляды на одинъ и тотъ же предметъ. Вся ошибка въ этомъ случаѣ состоитъ въ томъ, что часто не только не проводятъ ни какого различія, а напротивъ смѣшиваютъ сущность предмета съ его явленіями и, на основаніи этихъ послѣднихъ, составляютъ сужденіе объ извѣстномъ предметѣ. Само собою разумѣется, что такое сужденіе всегда будетъ не правильно и односторонне. Въ примѣненіи къ разсматриваемому нами предмету еще яснѣе откроется важность и необходимость, для вѣрнаго пониманія извѣстнаго предмета и правильнаго от-

ношенія къ нему, отличать его сущность отъ явленій. Съ большимъ же уясненіемъ этого понятія мы легко дойдемъ и до главной причины радикальнаго различія взглядовъ св. отцовъ и учителей Церкви на языческую философію. Въ философіи, какъ и во всякомъ предметѣ, можно и должно отличать ея сущность, или ту общечеловѣческую, разумную ея сторону, которая характеризуется стремленіемъ къ познанію истины, къ постиженію, на сколько это возможно, всеобщихъ первоначальныхъ основъ, или началъ бытія и жизни всего сущаго. Эту сторону философіи еще древніе обозначали именемъ мудрости, или стремленіемъ къ познанію вещей божескихъ и человѣческихъ, — знаніемъ полнымъ и основательнымъ, которое обнимаетъ прошедшее, настоящее и будущее. ¹⁾ Эту существенную, не преходящую сторону философіи должно отличать отъ ея явленій, къ разряду которыхъ относятся все разнообразныя философскія системы. По своей сущности философія выше всѣхъ временныхъ, постоянно смѣняющихся одна другую философскихъ системъ: она есть законное и вмѣстѣ необходимое стремленіе человѣческаго духа къ мудрости, стремленіе стать выше всѣхъ безконечно-разнообразныхъ явленій данныхъ въ опытѣ, постигнуть вѣчныя, разумныя основанія ихъ бытія и жизни, свести все доступное человѣческому знанію къ строгому единству и въ идеальной области мышленія созерцать высшія, не преходящія отношенія и связи всего сущаго, словомъ — стремленіе постигнуть высшій Божественный разумъ сокрытый въ явленіяхъ Фило-

¹⁾ Strom. lib. VI, cap. 7.

софскія же системы служатъ только частнымъ выраженіемъ этихъ идеальныхъ стремленій чело­вѣческаго духа и какъ дѣло частное, они необходимо но­сятъ на себѣ печать личности, индивидуальности и и потому самому не чужды всѣхъ возможныхъ не­достатковъ и заблужденій. Отсюда, въ области фи­лософіи абсолютно-истинная, догматическая систе­ма философіи, по самому существу дѣла, едва ли возможна, но крайней мѣрѣ то не оспоримо, что философія до сихъ поръ не представила такой си­стемы. Всякая философская система, даже самая высшая и кажущаяся болѣе совершенною, какъ произведеніе частнаго, ограниченнаго чело­вѣческаго мышленія, имѣетъ относительное значеніе: она тѣ­сно связана съ мѣстомъ и временемъ, среди кото­рыхъ явилась, и потому, рано или поздно, она не­обходимо должна подчиниться условіямъ всего вре­меннаго, — стать фактомъ исторіи и своимъ суще­ствованиемъ указывать на одну изъ ступеней раз­витія чело­вѣческаго мышленія. На смѣну же этой, потерявшей кредитъ, философской системѣ явится новая, которая въ свою очередь отживетъ свой вѣкъ и подвергнется той же участи. — То, что мы сказали о философіи вообще, вполне примѣнимо и къ философіи языческой. По своей существенной, вѣчной, разумной сторонѣ она была близка къ от­кровенію и по этому законно заслуживала полного вниманія и серьезнаго изученія, а затѣмъ и спра­ведливой похвалы и уваженія со стороны просвѣ­щенныхъ отцовъ и учителей христіанской Церкви. По содержанію же своихъ разнорѣчивыхъ системъ она являлась безконечнымъ рядомъ противорѣчій,

постоянныхъ споровъ и заблужденій, среди которыхъ трудно было уловить и еще труднѣе удержать, какую-либо разумную, руководительную нить. Съ этой послѣдней стороны отрицательное отношеніе къ философіи и нападки на нее со стороны нѣкоторыхъ отцовъ и учителей Церкви, конечно, весьма умѣстны и законны. Такимъ образомъ, само собою становится яснымъ и понятнымъ происхождение различныхъ взглядовъ на философію и крайне противоположныхъ сужденій о ней; все это необходимо условливалось такимъ или другимъ отношеніемъ къ философіи, большимъ или меньшимъ проникновеніемъ въ ея сущность. Невыясненность самаго основнаго понятія имѣла, значить, въ этомъ случаѣ роковое значеніе, — отчего нѣкоторые отцы и учителя Церкви смѣшивали одну сторону философіи съ другою и не заслуженно порицали то, плодами чего сами же пользовались.

Изъ всѣхъ понятій о философіи, конечно, самое поверхностное, искаженное и менѣе всего достойное философіи то понятіе о ней, которое отождествляетъ ее съ извѣстною, хотя бы и самою высшею и болѣе другихъ совершенною философскою системою. Къ несчастію, это такъ несостоятельное понятіе о философіи часто раздѣлялось и раздѣляется людьми довольно образованными, чѣмъ и объясняется ихъ отрицательное отношеніе къ философіи. Такого же понятія о философіи держались и нѣкоторые отцы и учителя Церкви, отрицательно и даже презрительно относившіеся къ языческой философіи. Такимъ образомъ объясненіе крайне-отрицательнаго отношенія нѣкоторыхъ отцовъ и учите-

лей Церкви къ языческой философіи—отсутствіемъ близкаго и обстоятельнаго знакомства съ нею должно имѣть только второстепенное значеніе; главная же, существенная причина такого отношенія лежала въ недостаточности, невыясненности самаго основнаго понятія объ отрицаемомъ предметѣ. Фактъ, что нѣкоторые учителя Церкви порицавшіе философію были въ тоже время близко и обстоятельно знакомы съ нею, нисколько не противорѣчитъ съ сей часъ высказанною нами мыслью. Неправильное и ложное понятіе объ извѣстномъ предметѣ легко можетъ существовать совмѣстно съ близкимъ и обширнымъ знакомствомъ съ этимъ предметомъ, и послѣднее ни сколько не уничтожаетъ перваго. Обстоятельное и обширное знакомство съ философскими системами можетъ обогатить, изучающаго ихъ многими разносторонними свѣдѣніями; но оно не въ силахъ измѣнить его основныя понятія: потому что такія понятія не зависятъ отъ изучаемаго предмета, а вытекаютъ изъ внутренняго психическаго настроенія самаго изучающаго. Татіанъ и Тертуліанъ, вполне изучившіе самыя мелочныя и незначительныя бібліографическія и историческія подробности языческихъ философскихъ системъ, тѣмъ не менѣе все таки остались при ложномъ и искаженномъ взглядѣ на философію. Въ этомъ кропотливомъ изученіи разнообразныхъ философскихъ системъ они искали не развитія и разширенія собственнаго взгляда на все сущее: а готовой, истинной системы, которая бы способна была удовлетворить ихъ духовнымъ потребностямъ, и потому естественно они не нашли такой системы въ языческой фи-

лософіи. Обошедши все философія школы, изучивши все существовавшія системы, Татіанъ все-таки не нашолъ истинной системы и не могъ положительно отвѣтить на постоянно преслѣдовавшій вопросъ: «кого слушать между ними? (т. е. философами). Ты слѣдуешь, размышлялъ онъ, опредѣленіямъ Платона? но вотъ противъ тебя открыто идетъ софистъ-эпикурецъ. Ты хочешь держаться Аристотеля? но противъ тебя выступаетъ послѣдователь Демокрита.»²⁾ При такомъ печальномъ внутреннемъ состояніи, среди обманутыхъ надеждъ и ожиданій, которыя онъ возлагалъ на философію, совершенно отрицательный отвѣтъ на предложенный вопросъ былъ всего естественнѣе и Татіанъ дѣйствительно рѣшилъ, что «философы—болтливые самохвалы, ихъ разсужденія—сущій лабиринтъ, ихъ рѣчь, при внѣшней полированности, — глупа смысломъ и самыя ихъ споры похожи на разсужденія слѣпаго съ глухимъ.»³⁾ Само собою разумѣется, что смотря съ такой точки зрѣнія на философію, принимая случайности и уклоненія за истинную норму, не проникая въ ея сущность, а наблюдая лишь одни практическія явленія, не трудно принять философію за цѣлый рядъ нелѣпостей и заблужденій и только ихъ однихъ. Особенно не привлекательною и ничтожною являлась, понимаемая такъ философія, при сравненіи всѣхъ ея случайностей, заблужденій и нелѣпостей, съ положительнымъ христіанскимъ откровеніемъ; совершенное тождество словъ:

²⁾ Orat. con. Graec. XXVII, 31.

³⁾ Ibid. I, 4; XXVI, 29; XIV, 18; XXVI, 30.

«Философія и нелѣпость, философское и демонское» становится въ этомъ случаѣ заключеніемъ весьма естественнымъ. Изъ такого же понятія о философіи выходилъ и Тертуллианъ, когда старался отыскивать и выставять въ укоръ философіи безчисленные и часто чудовищныя заблужденія системъ и даже факты безнравственности частной жизни философовъ, въ чемъ уже вовсе не виновата философія. Всѣ эти дурныя отзывы и ѣдкія замѣчанія такъ щедро направленные, указанными учителями Церкви, противъ языческой философіи, очень ясно доказываютъ, что предметомъ ихъ порицанія и нападковъ была не философія въ ея собственномъ смыслѣ, а только извѣстныя системы и частныя заблужденія философовъ, и если бы, упомянутые учителя Церкви, не смѣшивали этихъ двухъ сторонъ философіи, а называли каждую изъ нихъ собственнымъ ея именемъ; то истина была бы восстановлена и сама собою уничтожилась бы крайность и несправедливость ихъ отзывовъ о философіи.

Совершенно другія впечатлѣнія вынесъ отъ изученія философіи первый христіанскій философъ, св. Іустинъ мученикъ. Его жизнь до принятія христіанства очень похожа на жизнь, сей часъ указанныхъ учителей Церкви, и потому сопоставленіе его съ ними представляетъ многознаменательный фактъ, очень наглядно уясняющій и подтверждающій высказанную нами мысль, что въ происхожденіи различія взглядовъ св. отцовъ и учителей Церкви на языческую философію главное и существенное значеніе имѣла невыясненность и сбивчивость самаго основнаго понятія о философіи, что и заставляло нѣ-

которыхъ учителей Церкви, даже близко знакомыхъ съ философскими системами, смѣшивать эти системы съ философіею вообще и, на основаніи нелѣпостей и заблужденій первыхъ, отрицать достоинство послѣдней и самое происхожденіе ея приписывать умысламъ демона. Мы не считаемъ нужнымъ приводить подробную аналогію между жизнью этихъ отцовъ и учителей Церкви, такъ какъ ихъ жизнь хорошо знакома всѣмъ и каждому. Скажемъ только, что, подобно Татіану и Тертулліану, св. Іустинъ, до принятія имъ христіанства, обходилъ многія философскія школы, изучилъ почти все философскія системы, всюду ища истины и нигдѣ не находя ее. Не смотря на это однакожь, результаты, къ которымъ пришелъ онъ послѣ долгаго изученія философскихъ системъ, вполнѣ разнятся отъ того, къ чему пришли Татіанъ и Тертулліанъ. вмѣсто горькаго разочарованія, безнадежнаго отчаянія и крайняго презрѣнія ко всѣмъ сторонамъ языческой образованности, Іустинъ на всю жизнь сохранилъ любовь и уваженіе къ языческой философіи и, сдѣлавшись уже христіаниномъ, онъ не желалъ разстаться съ философскою мантиею—этою внѣшнею вывѣскою древняго философа. На неизбѣжный при этомъ вопросъ—гдѣ причина такого явленія?—смѣло можно отвѣтить, что она кроется въ особенностяхъ отношенія св. Іустина къ изучаемому имъ предмету—философіи, и правильномъ пониманіи его сущности. Онъ обратился къ изученію философскихъ системъ не съ цѣлью найти истинную философскую систему, которой бы можно слѣдовать во всѣхъ ея частныхъ выводахъ и мелочныхъ подробностяхъ;

нѣтъ, — его взглядъ на философію и требованія отъ нея были далеко шире и выше. Ясно понимая, что «философія сама въ себѣ есть едина и тождественна по всюду,» ⁴⁾ св. Іустинъ не могъ смѣшать ея сущности съ явленіями и принять за философію систему платониковъ, перепатетиковъ, пифагорейцевъ, теоретиковъ, или какую-либо другую современную ему философскую систему и всюду преслѣдовалъ эту высшую, собственную сторону философіи, строго отдѣляя отъ нея все частное, не важное и прямо ложное. При томъ, и въ изученіи этой послѣдней стороны философіи, онъ искалъ прежде всего развитія, возвышенія, крѣпости и основательности собственнаго взгляда на все сущее. Тщательное же изученіе различныхъ философскихъ системъ служило для него только приготовительнымъ средствомъ къ самостоятельной умственной работѣ. И вотъ въ то время, когда, послѣ изученія идей Платона, въ немъ пробудилось сознание въ самомъ себѣ довольно силы и умственной зрѣлости, чтобы приступить къ такой самостоятельной работѣ; онъ удалился на берегъ моря, желая среди пустынной тишины тѣмъ безпрепятственнѣе предаться умственному созерцанію. Но здѣсь явился къ нему таинственный старецъ ⁵⁾ и указалъ на существованіе высшей философіи, съ которою еще не былъ знакомъ Іустинъ. Разказы старца объ этой высшей философіи возбуждали въ Іустинѣ желаніе приступить къ ея изу-

⁴⁾ Разговоръ съ Трифон., гл. II, стр. 143 и 144.

⁵⁾ Думаютъ, что этотъ старецъ былъ св. Поликарцъ (см. ученіе объ отц. Цер. преосв. Филарета Чернигов., т. I, стр. 63.)

ченію, что и послужило началомъ его перехода на сторону христіанства. Такимъ образомъ христіанское ученіе явилось къ нему, какъ послѣднее звено, какъ достойный вѣнецъ, завершающій собою философское развитіе этого искателя истины. Переходъ его на сторону христіанства случился также легко и свободно, какъ прежніе переходы отъ одной философской школы къ другой. Своимъ ученіемъ христіанство не разбило не уничтожило, а только возвысило и очистило его прежнія стремленія и убѣжденія. Вотъ почему, борясь всю послѣдующую свою жизнь съ заблужденіями и недостатками извѣстныхъ философскихъ системъ, обличая пороки и безнравственную жизнь философовъ, св. Іустинъ сохранилъ полное уваженіе къ философiи и всегда сочувственно отзывался о ней.

Понятіе св. Іустина о философiи и, какъ прямое слѣдствіе такого понятія, — сочувственное отношеніе къ ней осталось, какъ мы уже замѣтили, общимъ достояніемъ большинства св. отцовъ и учителей восточной Церкви, съ тѣмъ только различіемъ, что у отцовъ, жившихъ послѣ св. Іустина, это понятіе о философiи еще болѣе выяснилось и опредѣлилось. Подобно св. Іустину, Климентъ Александрійскій былъ далекъ отъ мысли смѣшивать философiю съ какою-либо частию философскою системою. «Философіею, говорилъ онъ, я называю не стоическую, не платонову, или эпікурову и аристотелеву, а то, что каждая изъ этихъ школъ говоритъ правильно, что научаетъ праведности съ благочестивымъ вѣдѣніемъ. Все это, извлеченное изъ философскихъ системъ, я называю философiею.

6) Ни одна философская школа, говорит онъ въ другомъ мѣстѣ, не владѣеть всею истинною и не чужда примѣси ошибокъ; даже вся греческая философія въ своей совокупности представляетъ только элементарное, частное и не совершенное знаніе. 7) Философскія системы, по его мысли, подобны вакханкамъ: какъ эти разорвали и разнесли по частямъ тѣло Пентея, такъ и различныя секты у грековъ и варваровъ раздѣляли между собою не видимый свѣтъ Слова и каждая изъ нихъ владѣетъ тою долею истины, какая досталась ей въ удѣлъ. Отсюда та система, которая соединитъ эти разъединенныя отрывки и приведетъ ихъ къ единству, можетъ удобно созерцать совершенное Слово, абсолютную истину. 8) Такое широкое пониманіе философіи привело Климента къ мысли о сродствѣ философіи съ христіанскимъ откровеніемъ, по источнику ихъ происхожденія. Выходя изъ понятія о той не пререкаемой истинѣ, что источникъ челоуѣческаго вѣдѣнія, — всего истиннаго и добраго лежитъ въ Богѣ и поддерживаемый эклектическими стремленіями своего времени, онъ пришелъ къ мысли о возможности примиренія философіи съ положительнымъ христіанскимъ откровеніемъ, разума съ вѣрою въ одномъ и томъ же ихъ источникѣ — Божественномъ Словѣ (λόγος). Онъ хотѣлъ показать гармонію, какая существуетъ между христіанствомъ и истинною философіею, и тѣмъ разсѣять все возраженія, кото-

6) Strom, lib. 1, p. 20.

7) Ibid. lib. VI, cap. 8.

8) Ibid. lib. V, cap. 13.

рыя выставляла противъ него греческая мудрость. Эта мысль была главною цѣлью всѣхъ философскихъ его трудовъ и она выполнена въ трехъ знаменитыхъ его сочиненіяхъ («Увѣщаніе язычникамъ», «Педагогъ» и «Строматы»), которыя, по его собственному замѣчанію, ⁹⁾ своею совокупностію образуютъ философское введеніе къ познанію христіанства. Съ этою цѣлью въ указанныхъ сочиненіяхъ, онъ подвергъ тщательному пересмотру всѣ религіозныя и по преимуществу философскія системы, стараясь, въ этомъ обширномъ лабиринтѣ толковъ, противорѣчій и явныхъ заблужденій, найти и указать разсѣянныя черты истиннаго и добраго. Отсюда же опредѣляются и особенности его отношенія къ разсматриваемымъ имъ системамъ. Съ достоинствомъ и силою поражая языческихъ философовъ и еретиковъ, онъ не позволялъ себѣ ѣдко издѣваться надъ ихъ уклоненіями и заблужденіями и былъ далекъ отъ мысли совершенно презирать ихъ ученіе, какъ содержащее въ себѣ единственно только ложь и заблужденіе. Въ немъ на столько сильна была любовь къ истинѣ и справедливости, что удерживала его отъ мысли совершенно отрицать въ своихъ противникахъ присутствіе истиннаго и добраго. Онъ ясно сознавалъ, что заблужденіе рѣдко бываетъ безъ примѣси къ нему известной доли истины и что къ самому заблужденію человѣкъ привязывается только потому, что оно является ему подъ формою истины. Нужно, значитъ, было разрушить прежде эти внѣшнія формы и тог-

⁹⁾ Poedag., I. 1.

да уже само собою ясно обнаружится то, что скрывалось подъ этими формами. Строгая критика, какъ нельзя въриѣе, вела въ этомъ случаѣ къ желанному концу. Тщательный анализъ Климента съ силою разоблачалъ эту привлекательную виѣшность покрывавшую ученіе языческихъ философовъ и еретиковъ, разгонялъ тьму, заслонявшую собою истину, чрезъ что самая истина являлась въ своей чистой, первоначальной красотѣ и съ новою силою блистала въ пламени вѣры. Плодомъ такого разбора философскихъ и еретическихъ системъ и толковъ было то, что и въ этой темной области, на которую другіе христіанскіе учителя смотрѣли, какъ на порожденіе злаго духа и видѣли въ ней единственно только ложь и заблужденія, Климентъ умѣлъ открыть такія стороны, которыя были «правильны, научали праведности и были согласны съ благочестивымъ вѣдѣніемъ;» умѣлъ найти такія истины, которыя ни сколько не противорѣчили откровенію и были совершенно согласны съ нимъ.

Мы съ намѣреніемъ остановились на этой критической сторонѣ трудовъ Климента съ цѣлью взглядиѣе представить, высказанную выше мысль, что правильное и ясное понятіе о сущности предмета опредѣляетъ собою вѣрное отношеніе и ко всеѣмъ его явленіямъ. О другихъ же сторонахъ философской дѣятельности Климента и о его воззрѣніи на значеніе философіи, непосредственно выходящемъ изъ общаго, прямаго и вѣрнаго понятія его о философіи, мы не будемъ говорить во избѣжаніе повторять уже сказанное. При всеѣмъ томъ считаемъ нужнымъ однакожъ замѣтить, что обвиненія, такъ

часто возводимыя на Климента и особенно на ближайшаго его послѣдователя Оригена, въ излишнемъ пристрастїи къ языческой философіи и необузданной свободѣ человѣческаго разума и пониманїя въ отношенїи къ христіанству, какую будтобы узаконили и своимъ примѣромъ освятили эти великіе учителя восточной Церкви, едвали справедливы. Въ воззрѣніяхъ этихъ учителей Церкви на языческую философію безпристрастный, непредубѣжденный взглядъ найдетъ только искреннее, сознательное желаніе всякому хорошему явленію, безотносительно къ той области среди которой существуетъ оно, отдавать справедливое, заслуженное имъ уваженіе. При томъ, въ языческой философіи, Климентъ и Оригенъ вовсе не стремились только все производить отъ Бога, въ противоположность тому, какъ Тертуліанъ все производилъ отъ діавола, а тщательно старались отдѣлить человѣческое отъ Божественнаго и это послѣднее выставить въ ясномъ свѣтѣ и оградить отъ несправедливаго нареканія и презрѣнія. Не менѣе неосновательно и второе обвиненіе—въ узаконенїи человѣческому разуму широкаго простора въ отношенїи къ откровенію—обвиненіе, имѣющее въ своемъ основанїи ложную мысль, о слѣпой, будтобы, любви этихъ учителей Церкви къ языческой философіи. Въ ихъ время уже достаточно выяснилась и опредѣлилась мысль объ опасности предоставлять полный просторъ человѣческому разуму и пониманію въ отношенїи къ высшимъ сферамъ бытія. Мысль, что философія и философствованіе есть главный источникъ всѣхъ ересей, постоянно волнующихъ христіанскую Церковь,—эта

мысль, такъ пугавшая отцовъ и учителей западной Церкви и побуждавшая ихъ всеми средствами чернить философію, не менѣе ясно, но болѣе вѣрно и глубоко была сознаваема и Климентомъ Александрийскимъ. Невѣжда и идиотъ, дѣйствительно, не въ состояніи стать ересіархомъ; ересь—дѣло серьезной умственной работы, неудачная попытка осмыслить то, что выше разума и не укладывается въ его узкія рамки. Съ этой стороны вполне справедливы слова Тертуллиана, что философія есть источникъ всехъ ересей, а философы-патріархи еретиковъ. Но это не могло однакожь подорвать въ Климентѣ убѣжденія въ высококомъ значеніи для христіанина философіи и философствованія. Вооружаясь всею силою свойственной ему діалектики противъ еретиковъ своего времени и особенно противъ гностиковъ, желавшихъ осмыслить и познать недоступное чело-вѣческому разуму и пониманію и чрезъ то уклонившихся въ безпредѣльную область фантазіи, Климентъ тѣмъ не менѣе не перестаетъ защищать философію и рекомендовать христіанамъ занятіе ею. Это зависѣло отъ того, что онъ умѣлъ отличить излишне-свободное и дерзски-надменное философствованіе отъ законнаго стремленія чело-вѣка приблизить къ своему знанію и пониманію все доступное разуму. Отдавая всему должное, онъ пытался оградить права разума въ дѣлѣ христіанской религіи и установить границы, среди которыхъ могъ бы дѣйствовать разумъ, не нарушая правъ вѣры и возводя эту послѣднюю изъ состоянія слѣпнаго, безотчетнаго воспріятія на степень вѣры разумной, или истиннаго христіанскаго *гносиса* (γνῶσις), какъ назы-

валъ это самъ Климентъ. — При всемъ томъ, что ученіе Климента объ этомъ предметѣ не вполне развито и уяснено во всѣхъ своихъ частностяхъ, въ немъ ясно можно видѣть чего хотѣлъ этотъ учитель Церкви и какое значеніе давалъ онъ разуму въ положительномъ христіанскомъ откровеніи. Божественное Слово (λόγος), Христось, по его мысли, составляетъ источникъ и основаніе всякаго знанія и самое зданіе знанія. ¹⁰⁾ Первоначальное познаніе этаго первоисточника знанія должно быть принято вѣрою; разумъ-же имѣетъ значеніе второстепенное, соподчиненное вѣрѣ и служитъ для приведенія въ ясное сознаніе того, что принято на вѣру. ¹¹⁾ Но какъ вѣра получаетъ свое содержаніе изъ откровеннаго слова Божія, то отсюда слово Божіе становится источникомъ знанія и, съ тѣмъ вмѣстѣ, высшимъ критеріемъ его истинности. Какъ первоисточникъ, Слово Божіе выше всякихъ доказательствъ, есть начало недоказуемое, само себя доказующее. Знаніе почерпаетъ изъ этаго источника необходимый матеріалъ, и стремящійся къ знанію долженъ сколько возможно и главнымъ образомъ упражняться въ изученіи этаго источника. ¹²⁾ Такимъ образомъ человѣческой разумъ, по ученію Климента, долженъ постоянно находиться въ строгой зависимости отъ откровенія и не переступать за его предѣлы; что дано въ откровеніи, то можетъ и должно сдѣлаться достояніемъ изысканій разума. Но въ этой области

¹⁰⁾ Strom. lib. VII, cap. X.

¹¹⁾ Ibid. lib. VII, cap. X.

¹²⁾ Ibid. lib. VII, cap. XI.

разумъ не предоставленъ окончательно самому себѣ; онъ постоянно долженъ провѣрять результаты своихъ изысканій тѣмъ же Словомъ Божиимъ, изъ котораго онъ почерпнулъ матеріалъ для этихъ изысканій.—Въ этомъ ученіи нѣтъ ничего противнаго постоянному ученію Православной церкви. Если же у Климента и особенно у Оригена замѣчался иногда разладъ практики съ теоріею и если пылкій, стремительный умъ Оригена переступалъ иногда указанныя границы и выходилъ за область откровенія; то это нисколько еще не говоритъ въ пользу той мысли, что эти учителя Церкви узаконили необузданную свободу разума въ отношеніи къ христіанской религіи. Самъ Оригенъ очень далекъ былъ отъ того, чтобы приписывать своимъ мнѣніямъ абсолютную вѣрность, а выдавалъ ихъ всегда подъ скромнымъ именемъ догадокъ и предположеній.¹³⁾ Обыкновеннымъ правиломъ всей его жизни и дѣятельности было: «вѣрить въ ту только истину, которая ни въ чѣмъ не разногласитъ съ церковнымъ и апостольскимъ преданіемъ.»¹⁴⁾

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ прибавить, что строгіе и рѣзкіе отзывы, произнесенные отцами и учителями Церкви надъ языческою философіею, оставались во всей своей силѣ и значеніи только на словахъ, въ теоріи; на практикѣ же дѣло было нѣсколько иначе. Здѣсь, не зависимо отъ воли самихъ порицателей, обыкновенный, мрачный ихъ взглядъ, не позволявшій видѣть въ языческой

¹³⁾ De princ. 2, 8, 4, p. 96; 1, 6. p. 1.

¹⁴⁾ Praefal. princ. § 2.

образованности ничего порядочнаго, мало-помалу изглаживался и уступалъ свое вмѣсто болѣе свѣтымъ и добрымъ отношеніямъ. Самые непримиримыя враги и рьяные порицатели языческой философіи—Татіанъ и Тертулліанъ—не вольно платили ей дань и пользовались ея плодами. Въ своихъ сочиненіяхъ они не отказывались отъ научнаго, систематическаго изложенія своихъ мыслей и вовсе не пренебрегали различными философскими методами и діалектическими приѣмами въ построеніи и развитіи мыслей и способъ веденія доказательствъ. Тонкая діалектика Тертулліана съ неумолимою силою и строгостію шагъ-за шагомъ преслѣдующая своего противника, опутывающая и разбивающая его на всѣхъ пунктахъ, можетъ поспорить въ своемъ достоинствѣ съ діалектикою любого софиста вполне искусившагося въ формальной отдѣлкѣ и гибкости мысли. Не служитъ ли это, въ свою очередь, нагляднымъ доказательствомъ той мысли, что строгій судъ, произнесенный этими учителями Церкви надъ философією былъ больше чѣмъ *не совсѣмъ* справедливъ и безпристрастенъ?

1866 года.
Ноября 10-го.

М. Орловъ.

XXXI П С Л О М Ъ

въ которомъ Давидъ, опытомъ собственной жизни, и другихъ возбуждаетъ къ исповѣданію грѣховъ своихъ предъ Господомъ.

Блаженъ, кому Господь простилъ
Содѣланное преступленье,
Чей грѣхъ забвеньемъ ужъ покрылъ;

Кому Онъ больше не вмѣняетъ
Ужъ ни какой вины!

Блаженъ по этому въ чьемъ сердцѣ,
Въ утайкѣ своего грѣха,
Предъ Господомъ Иеговою,
Въ чьемъ сердцѣ, говорю я, нѣтъ
Преступнаго лукавства!

Вѣдь вотъ, когда я все таилъ
Свой грѣхъ-то предъ Тобой, о Боже!
Такъ у меня было съ того
Всѣ измождились кости.
И день, и ночь, казалось мнѣ,
Твоя рука съ дня на день больше
Все тяжелѣетъ надо мной;
И свѣжесть-то было исчезла
Вся на моемъ лицѣ.

А вотъ съ тѣхъ поръ, какъ ужъ больше
Не сталъ таить своей вины;
Разкрывъ все сердце предъ Тобою,
Сказалъ: «вотъ исповѣдую
«Передъ Тобой всѣ согрѣшенья,»
Ты, Господи, тотъ часъ же снялъ
Съ меня всю эту тяжесть.

Да умоляетъ же Тебя,
Подобно мнѣ, въ подобной скорби,
И всякій изъ Твоихъ святыхъ,
Пока еще тутъ есть возможность
Тебя намъ находить.

Тогда рука Твоя не станетъ
Надъ нимъ ужъ больше тяготѣть;
Приливъ-то новыхъ, большихъ скорбей
Его не коснется, какъ самъ
Я это надъ собой извѣдалъ:
Такъ какъ за тѣмъ Ты былъ всегда
Во всѣхъ бѣдахъ моимъ покровомъ;
Отъ всякой тѣсноты было
Меня ты охраняешь.

Какъ только исповѣдую
Было я грѣхъ-то предъ Тобою,
Какое бѣ бѣдствіе съ тѣхъ поръ
Меня тутъ въ жизни ни постигло,
Смотрю, ужъ Ты было слѣшишь
Въ дни горести меня утѣшить
И окружаешь каждый разъ
Все радостью спасенья.

«Я только вразумлю тебя»,—
Такъ все, мнѣ кажется я слышу,
Ты говоришь моей душѣ,
Во время тяжкихъ скорбей сердца,—
«Я только вразумлю тебя;
«Хочу лишь только образумить
«И указать какимъ путемъ
«Тебѣ ходить бы надлежало;
«Хочу лишь дать тебѣ совѣтъ.
«Повѣрь, что Я всегда съ тобою
«И взоръ Мой вѣчно на тебѣ.
«Не будь же ты какъ конь упрямый,
«Или несмысленный лошакъ,
«Которыхъ нужно непременно
«Уздой съ удилами взнуздать,
«Коль скоро хочешь ты ихъ видѣть
«Пошлушными себѣ.»

Такъ бѣдъ-то много нечестивымъ.
А кто, напротивъ, всей душой
На Господа-то уповаеть,
Тѣхъ вотъ и въ стропотныхъ путяхъ
Все Божья жъ милость окружаетъ.

Такъ радуйтесть о Господѣ
Всѣ праведники и ликуйте;
Восторжествуйте всѣ предъ Нимъ,
Кто съ правымъ и открытымъ сердцемъ,—
Въ чьемъ сердцѣ, повторяю, нѣтъ
Преступнаго лукавства.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Отъ правленія с.-петербургской духовной семинаріи.

На основаніи опредѣленія Святѣйшаго Синода, отъ 26 іюня (18 августа) 1867 года, правленіе с.-петербургской духовной семинаріи честь имѣеть увѣдомить редакцію «Духовной Бесѣды», для припечатанія, что въ с.-петербургской семинаріи въ настоящее время состоитъ вакантною наставническая каѳедра психологіи и соединенныхъ съ нею предметовъ. Объявляя о семъ, правленіе с.-петербургской духовной семинаріи приглашаетъ желающихъ держать конкурсъ явиться въ правленіе для сей сей цѣли, въ періодъ времени отъ 15 до 20 августа сего года.

Отъ правленія ярославской духовной семинаріи.

Въ ярославской духовной семинаріи двѣ вакансіи: а) по классу математики въ 1 и 2-мъ среднемъ отдѣленіи и б) по классу чтенія историческихъ книгъ Ветхаго Завета въ 1 и 2-мъ низшемъ отдѣленіи и греческаго языка въ 3-мъ низшемъ отдѣленіи—состоятъ праздными. Для замѣщенія сихъ вакансій правленіе семинаріи кандидатовъ не имѣеть, а потому полагаетъ принять ихъ изъ воспитанниковъ, выдержавшихъ по означеннымъ предметамъ испытаніе въ конференціи московской духовной академіи.

Отъ правленія орловской духовной семинаріи.

Правленіе орловской духовной семинаріи, на основаніи опредѣленія Святѣйшаго Правительствующаго Синода, отъ 5 сентября 1867 г. за № 4636, честь имѣеть сообщить, что въ орловской духовной семинаріи открылась вакансія наставника по классу педагогіки, съ такимъ присовокупленіемъ, что оно кандидата на сію вакансію въ виду не имѣеть.

СЕДЬМАЯ КНИЖКА НАРОДНАГО ЖУРНАЛА
„МІРСКОЙ ВѢСТНИКЪ“

вышла своевременно и разослана подписчикамъ.

Содержаніе ея слѣдующее:

ОТД. I. Правительственныя распоряженія. Крестьянскія замѣтки: 1) Замѣтка о крестьянскихъ ручательствахъ. *П. М.* 2) О запасныхъ общественныхъ магазинахъ. *Волостной писарь В. Желнобобовъ*. — ОТД. II. Поученіе пастыря какъ молиться въ полѣ, за работою. Торжественное вступленіе митрополита Иннокентія, въ Успенскій соборъ, и его первое поученіе паствѣ. *Дядушка Андрей, Н. Страхова*. — ОТД. III. Русский матросъ въ Китаѣ (съ 1 рис.). Первые ополченцы въ войну 1812 года. Бѣдствія четырехъ русскихъ китолововъ. Разказы о замѣчательныхъ явленіяхъ природы. *Ю. Маркова*. Хозяйственныя замѣтки. — ОТД. IV. Разказы про былое. *И. Нест-ва*. Мѣшокъ съ золотомъ (разск.). — ОТД. V. Разныя извѣстія:

Къ этой книжкѣ приложены слѣдующіе рисунки: 1) Подвигъ крестьянина Ивана Сусанина. — 2) Павлинь. Списокъ подписчиковъ на журналъ. IV.

При этой книжкѣ подписчикамъ на журналъ «Мірской Вѣстникъ» прилагается, согласно условію безплатно: Святые мученики литовскіе Іоаннь, Антоній и Евстафій, съ хромолитогравированнымъ изображеніемъ святыхъ мучениковъ.

Редакторы: Арх. Веніаминъ, Иг. Арсеній,
Прот. Ѳ. Никоновъ.

Печатать дозволяется. Цензоры: протоіерей *Скрябинъ* и священникъ *Волковъ*. Воронежъ. Августа 14-го дня, 1868 года. Въ типографіи В. Гольдштейна.